

*Посвящается моему отцу,
Джону Моргану,
за то, что носил меня над водорослями*

- Сдается мне, ты относишься к смерти,
как к другу, – пробормотала она. –
Странно, когда у молодого человека такие друзья.
- Смерть – единственный верный друг
в этом мире, – сказал он с горечью. –
Друг, который всегда рядом.

Пол Андерсен. «Сломанный меч»

ГЛАВА 1

Когда человек, определенно находящийся в здравом уме, сообщает, что недавно усопшая мать пыталась залезть в окно спальни, чтобы сожрать его, вариантов два. Можно принюхаться к дыханию, проверить пульс и зрачки, выясняя, не проглотил ли он какую-нибудь гадость, или поверить на слово. Впустую применив первый образ действий к Башке Наставнику, Рингил с деланным вздохом отложил пинту и пошел за своим широким мечом.

Говорили, пробираясь через кабак, он бормотал: «Снова-здорово...»

Рингилов меч, полтора ярда закаленной стали, висел над камином в ножнах, сплетенных из сплавов, неведомых людям, хотя любой кириатский ребенок старше пяти лет смог бы их назвать. У самого меча тоже было имя на кириатском языке, как у всего, изготовленного кириатами оружия, но этот витиеватый титул многое терял в переводе. «Гость желанный в Доме Воронов и иных Пожирателей Падали, вслед за Воинами грядущих» — приблизительно так Арчет сумела его перевести, поэтому Рингил решил называть свое оружие Другом Воронов. Имя не очень ему нравилось, но было звучным, как и полагается

знаменитому мечу. К тому же хозяин постоялого двора, мужик прозорливый, не бедный и знающий, как приумножить богатство, соответствующим образом переименовал заведение. Так что было поздно что-то менять. Местный художник нарисовал сносное изображение Рингила, который орудовал Другом Воронов в Виселичном Проломе, и оно теперь болталось снаружи, у всего мира на виду. Взамен Рингил получал кров и стол, а еще — возможность рассказывать байки о своих подвигах заезжим гостям в кабаке, рассчитывая на их подачки.

«Ко всему этому, — иронично отметил Рингил в одном из писем, адресованных Арчет, — прилагается избирательная слепота по отношению к некоторым постельным утехам, кои гарантировали бы твоему покорному слуге медленную смерть на колу в Трелейне или Ихельтете. Статус героя в Виселичных Водах, похоже, предполагает особую привилегию, не доступную обычным гражданам в наши праведные времена». А еще, как он предполагал, никто не затевает охоту на извращенцев, когда намеченная жертва имеет репутацию человека, который превращает опытных фехтовальщиков в мертвечину быстрее, чем падает дуэльная перчатка. «Слава, — накарябал Рингил, — все-таки приносит некоторую пользу».

Меч над камином был заключительным штрихом. Закрепить его там придумал тот же хозяин постоялого двора. Теперь он пытался убедить местную знаменитость давать уроки дуэльного мастерства на конюшне. «Скрестите мечи с героем Виселичного Пролома, 3 элементаря имперской чеканки за полчаса». Рингил пока не понимал, докатился ли он до такого. И видел, что преподавание сделало с Башкой.

Так или иначе, он вытащил Друга Воронов из ножен со скрежещущим лязгом, небрежно закинул на плечо и вышел на улицу, не обращая внимания на взгляды публики, которую час назад потчевал байками о подвигах. Он предположил, что они последуют за ним хотя бы часть пути к дому наставника. От этого не будет вреда, если его догадки о том, что происходит, оправдаются. Хотя при первых признаках неприятностей зеваки, скорее всего, дадут деру. В общем, их нельзя винить. Они крестьяне и торговцы, ничем ему не обязаны. Примерно треть из них он до этого вечера даже не видел. Вступительный комментарий к трактату о тактике боев мелких подразделений, который Военная академия Трелейна вежливо отказалась опубликовать под его именем, гласил: «Если вы не знаете людей за вашей спиной по имени, не удивляйтесь, когда они не последуют за вами в бой. С другой стороны, если последуют, тоже не удивляйтесь, ибо существует бесчисленное множество других факторов, которые стоит принимать во внимание. Лидерство — товар ненадежный, его нелегко произвести или понять». Простая истина, почерпнутая на кровавой перерывной одной из самых омерзительных военных кампаний, какие знавали нынешние поколения жителей свободных городов. И все же, как деликатно выразился лейтенант-редактор из Трелейна в ответном письме, это было «чересчур расплывчато, чтобы Академия сочла материал пригодным для обучающихся. Именно эта двойственность, как и любая другая, вынуждает нас отклонить вашу рукопись». Прочитав последнюю фразу на пергаменте, Рингил заподозрил в лейтенанте родственную душу.

На улице было холодно. Выше талии он носил только кожаный колет с просторными полудлинными рукавами

из парусины, а вдоль хребта здешней местности спускалась не по сезону ранняя прохлада с Маджакских возвышенностей. Пики гор, в тени которых притулился городок, уже венчали снежные шапки, и это предвещало, что Виселичный Пролом к Падрову кануну делается непроходимым. Люди снова начали болтать про олдрейнскую зиму. Уже несколько недель ходили слухи, будто скот на высоких выгонах воруют волки и прочие, менее прозаичные хищники; о ледящих душу встречах и наблюдениях на горных перевалах. Не все можно было отвергнуть как фантазии. В этом, как подозревал Рингил, и крылся источник проблемы. Домик Башки Наставника располагался в конце одной из поперечных улиц и задней стеной был обращен к местному кладбищу. Как несравнимо превосходящий ученостью прочих жителей Виселичных Вод — не считая обитающего в городке героя, — Башка по умолчанию стал храмовым служителем и вместе с одеждой священника получил это жилище. А в плохую погоду кладбища становились прекрасным источником мяса для падальщиков.

«Быть тебе великим героем, — однажды предсказала гадалка в Ихельтете по плевку Рингила. — Ждет тебя множество битв, и много врагов падут от твоего клинка».

И ни слова об истреблении вредителей в пограничном городишке, размером не больше одной из трелейских приречных трущоб.

Вдоль главных улиц и набережной Виселичных Вод были закреплены фонари, остальной части городка приходилось довольствоваться светом Ленты, в такую облачную ночь довольно скудным. В точном соответствии с ожиданиями Рингила, толпа поредела, как только он ступил на неосвещенную улицу. Когда стало ясно, куда

он направляется, больше половины сопровождающих испарились. Он дошел до угла улицы Башки, ведя за собой неплотную группу из шести или восьми человек, но к моменту, когда поравнялся с домом наставника — дверь все еще была распахнута, как владелец ее оставил, удирая в ночной сорочке, — позади не было ни души. Обернувшись, Рингил бросил взгляд туда, где в дальнем конце улицы топтались зеваки. Изогнул губы в ироничной улыбке и крикнул:

— А теперь держитесь подальше!

Среди могил нечто издало низкий, гулкий вопль. От этого звука Рингил покрылся гусиной кожей. Он снял Друга Воронов с плеча и, настороженно выставив его перед собой, шагнул за угол домика.

Ряды захоронений поднимались по склону холма, где на выступах горного гранита город уже не мог расширяться. Большинство надгробий представляли собой простые плиты, высеченные из того же камня, что и гора, отражая флегматичное отношение местных к смерти как таковой. Но тут и там попадались ихельтетские склепы с более замысловатой резьбой и пирамиды из камней, под которыми хоронили своих мертвецов северяне — эти курганы были украшены шаманскими железными талисманами и выкрашены в цвета клана покойника. Рингил старался не приходить сюда; он помнил слишком многие имена на камнях и мог вызвать в памяти лица очень многих мертвых чужаков. Отряд, polegший под его началом в Виселичном Проломе в знойный летний день девять лет назад, имел пестрый состав, и лишь у некоторых чужеземцев нашлись родственники с деньгами, которые смогли увезти сыновей домой для погребения. Кладбищенские земли,

простирающиеся тут и там на склонах гор, были испещрены последними пристанищами этих одиночек.

Рингил шел все дальше по кладбищу, переступая на полусогнутых ногах. Над головой разошлись тучи, и киритатский клинок блеснул в неожиданно пролившемся свете Ленты. Вопль не повторился, но теперь он мог различить более тихие и тайные звуки, свидетельствовавшие, как он понял без особого восторга, что кто-то роет землю.

«Быть тебе великим героем».

Ну да, еще бы...

Он нашел мать Башки, которая, как ему сперва показалось, рылась в грязи у основания свежего надгробия. Саван покойницы был порван и испачкан, обнажая гнилую плоть, которую он унюхал на расстоянии в дюжину шагов по ветру, невзирая на холод. Отросшие после смерти ногти издавали неприятный скрежет, когда она пыталась открыть частично раскопанный гроб.

Рингил поморщился.

При жизни эта женщина его не любила. Будучи храмовым служителем и священником, ее сын должен был презирать Рингила, никчемного дегенерата и растлителя молодежи. Вместо этого, как школьный учитель и достаточно образованный человек, Башка оказался слишком просвещенным, чтобы это принесло ему благо. Добродушное отношение к Рингилу и философские дебаты, которые они иной раз вели в таверне до глубокой ночи, обеспечили ему резкие выговоры от заезжих старших священников. Хуже того, нехватка порицающего рвения создала Башке в религиозной иерархии репутацию, которая гарантировала, что он навеки останется скромным учителем в захолустном городе. Мать, естественно, обвиняла

дегенерата Рингила и его тлетворное влияние в том, что сын не получает повышения; он не был желанным гостем в доме школьного учителя, пока она не испустила дух. Это случилось внезапно, в прошлом месяце, после быстрой и неумолимой лихорадки, насланной, видимо, по ошибке, каким-то чрезмерно занятым богом, упустившим из виду ее безграничную добродетель в вопросах религии.

Стараясь не дышать через нос, Рингил постучал Другом Воронов плашмя о ближайшее надгробие, чтобы привлечь внимание покойницы. Сперва она не услышала производимого им шума, но потом труп извернулся, и Рингил обнаружил, что смотрит в лицо, чьи глаза давно сожрали маленькие твари, которые обычно занимаются такими вещами. Челюсть отвисла, большая часть носа исчезла, а плоть на щеках покрылась пятнами и дырами. Просто удивительно, что Башка ее узнал.

— А ну, вылезай, — сказал Рингил, поднимая меч.

Оно послушалось.

Оно вылезло через грудную клетку покойницы с треском и хлопаньем: трупоклещ в целый ярд длиной, не считая усиков-придатков, управляющих конечностями мертвого тела. Он был серого оттенка и во многом напоминал гладкокожего опарыша. Тупая морда существа оканчивалась чавкающими челюстями, покрытыми роговыми гребнями, которые могли дробить кости; Рингил знал, что хвост выглядит примерно так же. Трупоклещи выделяли отходы через поры кожи по всему телу, и эта субстанция, как и их слюна, была смертельно разъедающей.

Никто не знал, откуда они появились. Предания гласили, что прожорливые твари сперва были сгустками ведьминых соплей, отхаркнутых и оживленных злыми хозяевами

по причинам, о которых большинство историй высказывались весьма расплывчато. Официальная религия настаивала на том, что они обычные слизняки или личинки, одержимые душами злых мертвецов, либо демонические гости из какого-то кладбищенского ада, где гнили духовно недостойные, пребывая в своих могилах в полном сознании. У Арчет была чуть более здравая теория, согласно которой трупоклещи являлись мутантами, явившимися на свет несколько веков назад в результате кириатских экспериментов с низшими формами жизни — существами, предназначенными для более эффективного уничтожения мертвых, чем обычные падальщики.

Какой бы ни была правда, никто точно не знал об уровне интеллекта трупоклещей. Однако на протяжении своей эволюции, естественной или нет, они научились использовать трупы, которыми питались, для уймы разных целей. Тело становилось укрытием или вместилищем для яиц; если оно не сильно разложилось, могло стать средством быстрого передвижения или маскировки, а еще, в случае людей или волков, инструментом для рытья. Именно использование человеческих трупов вызывало череду сообщений о зомби на Северо-Западе во время суровых зим.

Рингил изредка задавался вопросом, могли ли трупоклещи манипулировать останками в качестве игры. Это была полностью его жуткая идея, родившаяся после того, как он впервые прочел об этих существах в рассказах тех, кто побывал в Кириатских пустошах. В конце концов, как рассудительно заявил он библиотекарю своего отца, собственные выделения трупоклеща могли разжесть деревянный гроб почти так же быстро, как его открыли бы разлагающиеся руки трупа — так зачем им утруждаться? По

мнению библиотекаря, а позже и отца, Рингил был юношей с очень большим воображением, которому надлежало сосредоточиться на более естественных занятиях, к коим пристрастились его старшие братья – верховой езде, охоте и постельных развлечений с местными девчонками. Его мать, которая, несомненно, кое-что подозревала, предпочла промолчать.

Одна-две предыдущие встречи с этими существами также подсказывали Рингилу, что они бывают очень...

Высвободив тело из клетки ребер, трупоклещ сиганул напрямиком на него.

...проворными!

Он довольно неуклюже рубанул вбок и успешно отбил тварь влево. Она ударилась о надгробие и упала на землю, корчась, рассеченная ударом почти надвое. Рингил снова опустил меч и закончил работу, с отвращением поджав губы. Две половинки разрубленного существа некоторое время извивались и дрожали, потом затихли. Демоны и злые духи, похоже, не могли справиться с такими повреждениями.

Рингил, однако, знал, что трупоклещи перемещаются группами. Когда изогнутый слизистый усик коснулся щеки, он уже поворачивался к новому врагу. Там, где на щеку попали капли выделений, кожа горела. Нет времени вытираться. Он заметил существо, свернувшееся на вершине ихельтетской гробницы, и, не раздумывая, проткнул. Усики отпрянули, и тварь с сердитым стрекотом издохла. Тут же раздался стук по другую сторону гробницы, и Рингил заметил движение. Он обошел вокруг обработанной каменной плиты и увидел двух клещей поменьше, которые вылезали из остатков сгнившего гроба и его